

ЧЕЛОВЕК В СЕДЛЕ

Мос. кинематограф 1980 11 сент.

ЭТО КАЖЕТСЯ невероятным, но даже после «Сталкера» Александр Кайдановского вспоминают в основном по эпизодическим ролям. Просто актер настолько яркое даже в маленькой роли, что запоминался надолго. А начало его было довольно будничным...

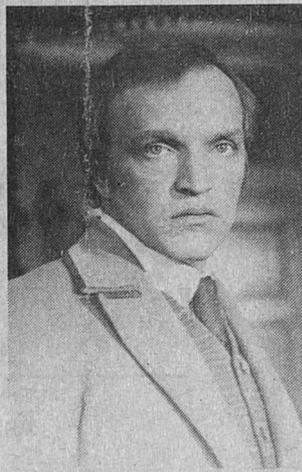
Эпизоды, те эпизоды, которые помнят в основном ассистенты по актерам, еще раз эпизоды, плюс к этому работа в театре, вернее в театрах — два года в вахтанговском и год во МХАТе. Пока окончательно не «ушел» в кино после первой крупной роли мистера Астля в поставленном Алексеем Баталовым «Игроке». А потом пришел «час» белогвардейских офицеров — сначала у Никиты Михалкова в ленте «Свой среди чужих, чужой среди своих». Ротмистр Лемке, честолюбивый фанатик, проявлявший невероятную изобретательность для реализации своих безумных идей, был крайним воплощением индивидуализма. И еще один колоритный представитель — Воронцов в «Бриллиантах для диктатуры пролетариата» и остальные как варианты этих характеров.

— У МИХАЛКОВА я играл человека, который проявлял невероятную самостоятельность, но он все делал только для себя. Когда выяснилось, что он не может больше тащить золото, он сказал своему спутнику: «Да забери ты его себе! Это нужно одному. И уходи». Этот отказ для него — определение своей свободы: внешней, внутренней — всякой. А Воронцов — это тот же тип, но словно вывер-

нутый наизнанку. Это тоже трагическая судьба, но совсем с иными характеристиками. Деньги для него ничего не значат, они его просто не интересуют. Для него существует только Россия. И он все отдал за дело, которое, с его точки зрения, было правым. Человек, одержимый идеей, но идеей в корне ложной. И во имя этой своей цели он идет даже на убийства. Ему действительно кажется, что это делается во имя высокой цели. Двойственность натуры губит его. Он последовательно доходит до бандитизма, до террора и этим самым уничтожает себя.

Больше Кайдановский не играл подобных характеров. Слово понял, что больше ему нечего исследовать и искать, что все возможное он уже сказал. Все эти сильные, яркие и агрессивные оставлены им. Но это не значит, что его больше не интересуют «отрицательные». Его не интересует ампула. «Если актер по ампуле — герой и играет только героев, то, по моему, он плохой актер, — говорит Кайдановский. — Люди разные. Они на ампулу не делаются».

А В ЭТОЙ паузе, в этом переходе (назовем это — для ясности — поиском новых красок) он играет на телевидении классику и современных героев, сам ставит и участвует в поэтических спектаклях о Пушкине. В Доме-музее Пушкина в Москве делает вместе с Евгенией Симоновой постановку о декабристе Михаиле Лунине и, как бы исподволь, незаметно для постороннего глаза, готовит себя к новым ролям. И самым ярким стано-

вится Сталкер. И самым неожиданным.

Не будем говорить о повести, хотя сценарий к фильму был написан ее авторами Аркадием и Борисом Стругацкими. Оставим споры — такой он в повести или не такой. В фильме, а Кайдановский Сталкером был именно там, он такой. И другим быть вряд ли может. Израненный, исстрадавшийся веры, но не потерявший веры. Роль потребовала иной пластики, вкрадчивых и внимательных движений, осторожных, но не трусливых. И никаких эффектных жестов, все флентно в полтонах. Как это и бывает, когда человек устал или тяжело болен. И совсем одиноко.

А ведь Кайдановский очень спортивен, силен и энергичен. И для него, как утверждают очевидцы, ез-

дить верхом так же естественно, как и водить машину.

Но ни кавалеристом, ни «технарем», как собирався, не стал. После школы он, правда, проработал год в Днепропетровском сварочном техникуме имени Патона, обнаружив (по прошествии этого года) полное отсутствие интереса к техническому дисциплинам. Вернулся в родной Ростов-на-Дону и там поступил в театральное училище, а затем учился в театральном имени Щукина. Таких актерских биографий — сотни. Ничего сверхъестественного и необычного. Кроме него самого. А что еще может сделать и нас, и актера счастливым? Кроме нас самих, нашей работы...

В «СТАЛКЕРЕ» он показал все, чего достиг, о чем передумал, в чем сомневался и чему остался верен. Рассказал историю раненого духа, уязвленного, но не предавшего. Сталкер яркий, но не по величине сияния — по глубине своих страданий, может быть, и понятных только ему одному.

Гамлета он не сыграл. Хотел бы сыграть «Калигулу» Камю, «Бенкетта...» Ануя и Протасова в «Живом трупе». Возможно, что-либо из этого и реализуется. В театре? Но из театра он ушел. И назад его не тянет. «Наверное, я так уж устроен, — говорит актер, — что не решаюсь отдать свою судьбу на волю одного или двух режиссеров, полностью подчинить себя им. Кино дает возможность работать со многими режиссерами».

Например, с Жалаянвичосом. Впервые встретились на Чехове. Режис-

сер выбрал для постановки не самое «чеховское» произведение писателя — «Рассказ неизвестного человека», пригласив Кайдановского на главную роль, на роль этого неизвестного, от лица которого и написан рассказ. Сейчас эта лента вместе со «Спасателем» С. Соловьева отправилась в Венецию на международный кинофестиваль. Любопытно, что нам и, разумеется, венецианским зрителям предстоит две встречи с этим актером. Он играет и в фильме Сергея Соловьева.

Фильм этот о любви. Герой Кайдановского Николай Варансин просто приятель главного героя, кинолюбитель. Это он предлагает школьному учителю Андрею Николаевичу Ларинову, в которого будет влюблена его бывшая ученица Ася Веденева, снять фильм о ребятах, закончивших школу год назад. Его интересует, что получится из ребят после «трех лет духовной лепки» Ларинова. Вот в сущности и вся роль. Казалось бы, совсем небольшая. Актер здесь как бы сторонний наблюдатель, события разворачиваются перед ним, как перед объективным оком камеры. Но иллюзия эта исчезает с первым съемочным днем. В кино все так же сложно, как и в жизни.

И КАК БЫ сложно это ни было — Кайдановский не отступит. Пройдя через все испытания, поиски, провалы, победы, он останется «в седле». И можно только предполагать, какой будет его новая работа, роль. Потому что, если бы можно было это предугадать, это уже был не Кайдановский. И это происходит вовсе не от его любви к неожиданности, он никогда не хочет удивить только ради того, чтобы удивить. Он всегда думает. А мысль — она неожиданна.

Л. ПЕРЕСВЕТ.